

*handkerchief! – O devil! –
[Falls in a trance.]*

– у процитованому уривку Яго майстерно доводить Отелло до гніву й безтями, хоча ще в попередньому епізоді бачимо останнього лише в сумнівах (які зародилися також не без участі Яго):

*OTHELLO: She is protectress of her honour too:
May she give that? (Shakespeare, Act IV, Scene 1)*

Якщо маніпуляція бажаннями є типовою для реклами, то маніпуляція емоціями регулярно застосовується в політичній комунікації, де самим лише тоном закликів можна нав'язувати неадекватні емоції багатотисячному колективному адресату. Іншим знаряддям боротьби в арсеналі маніпулятора емоціями є спеціально підібрана лексика з негативною конотацією. Обидва ці засоби, на жаль, перетворюють процес сучасної політичної комунікації на своєрідну антирекламу політичних опонентів.

Крім того, за допомогою емоцій можна привернути увагу адресата до необхідної інформації. Саме на цьому механізмі базується приклад 6, у якому через ображене мовчання й демонстрацію своїх негативних емоцій адресант підкреслює вигідну для себе інформацію.

Таким чином, маніпулятивний вплив на особу здійснюється через контроль її переконань, бажань і емоцій. З цих позицій вважаємо наукове визначення маніпуляції, запропоноване О.Л. Доценко, дещо неповним, оскільки в ньому фігурують лише бажання адресата. В свою чергу, визначаємо **маніпуляцію як вид навмисного й прихованого психологічного впливу, метою якого є збудження в адресата неусвідомлених і безпідставних для нього переконань, бажань і емоцій**. Обман відносимо до категорії маніпуляції переконаннями.

Вважаючи дослідження маніпулятивних вербальних дій актуальним напрямком сучасної лінгвістики, вбачаємо подальші перспективи в порівняльному аналізі особливостей маніпуляції в різних видах дискурсу, зокрема, в міжособистісному й інституційному дискурсі.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 2. – М.: Русский язык, 1979. – 779 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
4. Морозова О.І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови). – Автореф. дис. ... д. філол. н. – Київ, 2008. – 32 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1975. – 846 с.
6. Dictionary.com Unabridged. – Random House, Inc. [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: <http://dictionary.reference.com/>
7. Introduction to eugenics [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: <http://www.eugenics-watch.com/intro.html>
8. Lakoff G. and Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
9. Noggle R. Manipulative actions: a conceptual and moral analysis// American Philosophical Quarterly. – 1996. – Volume 33, n.1. – P. 43-56. [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: <http://find.galegroup.com/ips/start.do?prodId=IPS>
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 1428 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ірина Рудик – кандидат філологічних наук, доцент кафедри міжкультурної комунікації Житомирського державного університету ім. І. Франка.

Наукові інтереси: прагматика англійської мови.

РОЛЬ И МЕСТО АДРЕСАТА В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Елена ФЕДОТОВА (Донецк, Украина)

У статті розглянуто комунікативну класифікацію адресата; виокремлено соціолінгвістичний, прагматичний (інтерпретаційний, пресупозитивний) і актокомунікативний підходи до аналізу цього явища. Особливості, що притаманні фактору адресата, розглянуті на основі оцінних речень сучасної англійської мови.

The article deals with the communicative classification of the addressee. Sociolinguistic, pragmatic (interpretative, presuppositional) and speech act theory approaches are singled out. The classification is made on the basis of the evaluative sentences.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется разноаспектным и всесторонним изучением человеческого фактора в языке. Тот факт, что все аспекты

лингвистики: структурный, семантический, прагматический и когнитивный включают в себя вышеуказанное явление, эксплицирует его важность [2; 10; 12: 602-616; 14].

Цель статьи состоит в описании роли и места адресата в речевой коммуникации. Исследование осуществлено на материале оценочных предложений современного английского языка.

Говорящий и адресат прямо и косвенно воздействуют друг на друга. Степень удовлетворительности решения ими коммуникативных задач определяет успех речевой интеракции. Задачи, стоящие перед партнерами речевой интеракции, различны. Говорящий выбирает адекватные формы для достижения коммуникативной цели, регулирует информационный поток, тем самым опосредованно управляет поведением адресата. Задача адресата состоит в адекватной интерпретации полученного сообщения. Степень понимания и приемлемости для адресата высказывания говорящего демонстрируется адресатом в ответном высказывании.

Вопрос о роли фактора адресата [13: 39], о принципе взаимодействия говорящего и адресата в коммуникативном акте не решается однозначно. Представляется возможным выделить социолингвистический, прагматический (интерпретационный, пресуппозиционный) и актокоммуникативный подходы в анализе этих явлений.

Вслед за О.Г. Почепцовым под коммуникативным актом мы понимаем «акт взаимодействия отправителя и получателя, в основе которого лежит сообщение» [11: 5].

Сторонники социолингвистического подхода акцентируют зависимость распределения коммуникативных ролей говорящего и адресата от культуры, верований, обычаев каждой определенной группы людей, экстралингвистической ситуации. Д. Хаймс пришел к выводу, что не во всех культурах коммуникативные роли говорящего и адресата совпадают и, следовательно, категории факторов адресата и говорящего должны быть исследованы в терминах ролевой системы каждой определенной группы носителей языка. Категории Отправителя (говорящего) и Получателя (адресата) по-разному распределяются среди членов определенной группы в зависимости от верований и обычаев [13: 42-95].

В отличие от Д. Хаймса, С. Эрвин-Трипп рассматривает зависимость распределения ролей адресата (получателя) и говорящего (отправителя) между участниками общения от экстралингвистической ситуации [15:336-362]. Роли отправителя и получателя распределяются между участниками коммуникации неравномерно. Распределение ролей зависит от ситуации, общественного статуса участников (пол, возраст, занятие), специфических ролей, характеризующих данную социальную ситуацию (хозяйка-гость, учитель – ученик, покупатель – продавец), их ролей относительно друг друга (наниматель – служащий, муж – жена), от социальной и физической ориентированности коммуникантов по отношению к центру группы, от константы самой личности. Особенно неравномерно распределяется коммуникативная роль адресата. Высказывание, как правило, адресуется лицам, занимающим центральное или близкое к центру положение, обладающим высоким социальным статусом, большим авторитетом, максимальной частотой говорения, наиболее «несогласных», когда желательно согласие [15:336-362].

Прагматический подход в изучении роли фактора адресата в речевом общении связывается с понятием «интерпретатор» [17: 1-59]. При построении высказывания говорящий учитывает способность адресата интерпретировать высказывание. Адресат – это не просто коммуникант, которому непосредственно направлено высказывание, это – интерпретатор сообщения, применяющий правила ведения разговора и опирающийся на соотнесение говорящим используемых им знаков со своим «Я» и на семантику высказывания. В процессе общения осуществляется интерпретация обстоятельств общения, ситуации (включая интерпретацию высказывания) и преобразование ситуации («ход» общения говорящего). Интерпретация осуществляется на фоне информационного запаса, включая коммуникативные знания, в результате чего выявляются схемы прагматических видов интерпретации и возможности их заполнения. Адекватное понимание адресатом смысла высказывания – это не расшифровка замысла, а его интерпретация на основе знаний интерпретатора.

Неоспоримым достоинством сторонников социолингвистического подхода является признание факта влияния культуры, верований, обычаев, экстралингвистической ситуации на распределение коммуникативных ролей между участниками интеракций и их взаимное влияние. Однако тот факт, что говорящий и адресат не просто отражают и передают условия общения в высказываниях, а творчески интерпретируют их, опираясь на свои знания, является недостающим звеном в трактовке факторов адресата и говорящего сторонниками социолингвистического подхода. В.З. Демьянков дополнил положения представителей социолингвистического подхода теорией прагматической интерпретации высказывания. Говорящий и адресат – это не просто «отправитель» и «получатель» информации, а интерпретаторы экстралингвистической ситуации, смысла высказывания. Они удаляют оказавшиеся несостоятельными интерпретации, получая релевантные интерпретации, совершая действия, соответствующие / несоответствующие принятым в каждом определенном обществе правилам общения [7: 368-377].

Модель возможного мира адресата, существующая в сознании говорящего, подсказывает ему конкретные формы лексико-грамматических структур предложений. Рассмотрение взаимодействия возможных миров говорящего и адресата возможно с точки зрения теории пресуппозиций. Личный опыт каждого человека фиксируется в сознании как система пресуппозиций. Возможный мир каждого человека основывается на его собственной системе пресуппозиций, которая, как правило, не совпадает полностью с системами пресуппозиций других людей. В связи с этим говорящий строит гипотезу о возможном мире адресата как определенном наборе пресуппозиций и на основе этого выбирает адекватные формы актуализации предложений. Чем больше у говорящего информации о возможном мире адресата, тем легче проходит актуализация, так как в этом случае она осуществляется на основе пресуппозиций; и наоборот, чем меньше у говорящего информации о степени осведомленности адресата, тем большее количество пресуппозиций приходится погашать, используя при этом максимальное количество вербальных единиц и, следовательно, тем труднее осуществляется актуализация.

При изучении зависимости актуализации предложения от степени осведомленности говорящего о возможном мире адресата выделяются Принцип Презумпции Игнорирования и Принцип Презумпции Знания, которые находятся в отношениях комплементарности [18: 86-99]. Принцип Презумпции Игнорирования заключается в опущении говорящим фактов, известных, по его мнению, адресату. Принцип Презумпции Знания – в сообщении с какой-либо целью фактов, заведомо известных говорящему и адресату. С постоянным учетом адресата связан и психический фон, обуславливающий формирование речи. Учет этот динамичен: говорящий может на время как бы отодвинуть адресата на задний план, однако полное исключение адресата из сознания говорящего становится невозможным благодаря коммуникативной ситуации. Говорящий точно так же может на время забыть о себе, но субъективное начало его сознания берет верх. Таким образом, происходящее в сознании говорящего противоречие между ним и адресатом накладывает отпечаток на степень интеллектуализации, вариативность личной и временной перспектив сообщения, а также на подход к сообщаемому содержанию.

Вышесказанное еще раз подтверждает вывод о том, что поскольку всякий разговор – это не просто схватка, борьба двух умов, а поединок между личностями в целом, то «я» одного коммуниканта всегда стремится восторжествовать над «я» другого коммуниканта [3: 330-331]. Говорящий почти всегда стремится навязать адресату именно субъективную сторону мысли, а не логическое ее содержание, хотя самому говорящему его мысль может представляться объективной. При этом субъективность говорящего и представление о социальной среде адресата мешают говорящему достичь цель.

С точки зрения теории речевых актов говорящий и адресат рассматриваются как абстрактные индивиды, носители определенных психолингвистических и социальных характеристик, которые стремятся к достижению определенной коммуникативной цели с помощью языковых средств. Вследствие этого «адресат, как и говорящий, вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующим аспекту говорящего» [1: 357]. Функция адресата не сводится к

роли воспринимающего и интерпретирующего сообщение. Оппозиция «говорящий – адресат» органически связана с оппозицией «коммуникативный стимул – ответная реакция» [1: 359], так как целью речевого общения является речевая коммуникация, осуществляемая посредством языка [8: 97].

Способ представленности смысла оценки определенного адресата в лексико-грамматической структуре предложения, а также выбор типа коммуникативного акта определяются не только говорящим, ситуацией общения, но и адресатом: его социальным статусом, полом, возрастом. Оценочное предложение может не называть эти факторы, оно лишь передает представление о них говорящего при оценке адресата. От фактора адресата в немалой степени зависит, каким образом участники коммуникации будут воздействовать друг на друга, осуществлять свои коммуникативные и иллюкутивные цели, эксплицировать и имплицировать свои намерения. «Неотделимость адресата от речевого произведения обусловлена тремя факторами: 1) связью адресата с перлокутивным эффектом; 2) игровым принципом речи, постоянно меняющим местами собеседников и создающим «инвертированного адресата»; 3) принадлежностью речевого акта к сфере межличностных отношений» [1: 361].

Среди лингвистов нет единства мнений в отношении конституента коммуникативного акта (имеются в виду говорящий и адресат) в большей степени влияющего на выбор типа адресата высказывания и способ представленности определенного смысла (в нашем случае оценочного) в лексико-грамматической структуре предложения. Ряд ученых, признавая тесную взаимосвязь деятельности говорящего и адресата в речевой коммуникации, указывают на различие выполняемых ими функций, а также на различную трактовку смысла одного и того же высказывания. Исходя из этого, следует различать два аспекта информации, извлекаемой из сообщения: 1) информация с точки зрения говорящего; 2) информация с точки зрения адресата. При этом в качестве получателей речевых сообщений, содержащих заданную информацию, коммуниканты проявляют обычно более широкую языковую компетенцию и более узкую компетенцию в качестве их отправителей [16: 313].

Изложим доводы лингвистов, считающих из всех антропоконституентов коммуникативного акта наиболее важным адресата. Так, М.М. Бахтин утверждает, что: 1) адресат является основным критерием завершенности высказывания; 2) прагматическая адекватность сообщаемого эксплицируется при «встрече» с «чужим» смыслом: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего... Актуальный смысл принадлежит не одному, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам» [4: 350].

Инициатор сообщения заранее учитывает мнения адресата и косвенно фиксирует его в лексико-грамматической и семантической структуре предложения. Таким образом, можно сделать вывод, что действия адресата предопределяют действия говорящего, обработка речи происходит под давлением фактора адресата [1:358]. Формула Э. Бенвениста [5: 315] «Я – здесь – сейчас» может быть расширена следующим образом: «1) Я – здесь – сейчас – в обществе адресата», 2) готов ответить на реакцию адресата» [9: 197]. Субъективное авторское сознание формируется под влиянием предполагаемого адресата, что проявляется в нарушении чистоты оппозиции «Я – не Я». Итак, адресат – неотъемлемый компонент речевого акта, без него язык не выполняет коммуникативную функцию, и хотя адресат не участвует в акте номинации, его отношение к говорящему, его возможный мир опосредуются говорящим. Содержательный аспект акта речи, его внешние условия отражает корреляция «говорящий – адресат» [6: 279].

Признавая разные функции говорящего и адресата в коммуникативном акте, мы разделяем точку зрения тех ученых, которые различают роли говорящего и адресата в речевой коммуникации, но в то же время указывают на их тесную взаимосвязь, неразрывность, диалектическое единство. Говорящий и адресат-это равноположенные антропоконституенты коммуникативного акта, и только согласованность параметров этих коммуникантов обеспечивает успешность высказывания, так как речевое общение – это взаимодействие коммуникантов [6: 279] и ответственность за успешность коммуникативного

акта распределяется между говорящим и адресатом, которые являются полярными лицами. полярность лиц- основное условие в языке, по отношению к которому сам процесс коммуникации есть всего лишь прагматическое следствие. Это полярность нигде не имеет аналога вне языка и представляет собой особый тип противопоставления [5: 293].

Для успешного протекания речевой коммуникации необходимо существование определённых противоречий между говорящим и адресатом. Например, противоречие, возникающие у коммуникантов в следствие несовпадения у них объёмов значений коммуникативных и когнитивных средств; противоречие, возникающие вследствие несовпадения у коммуникантов смыслов языковых знаков; противоречие из-за несовпадения у говорящего и адресата фрагментов образа мира, о которых сообщается в высказывании.

Результаты проведённого нами исследования показали, что из двух тысяч языковых фактов, собранных методом сплошной выборки и содержащих оценку всех участников коммуникации в ситуации непосредственного общения, оценка чаще всего даётся адресату (47,6%), реже всего – говорящему (19,5%). Остальные 32,9% приходятся на участников коммуникации – третьих лиц. Этот факт усилил наш интерес к исследованию оценочных предложений, содержащих оценку именно адресата со стороны говорящего в ситуации непосредственного общения. Что же касается выбора нами в качестве объекта оценки именно одушевлённого лица, отметим, что в разнообразии лиц, которое более существенно по сравнению с предметами, нами выявлен ряд закономерности; предмет же в своих разновидностях и проявлениях менее разнообразен, у него меньше особенностей [6: 371] и оценивается он, соответственно, по гораздо меньшему числу параметров, чем лицо.

Изучая языковое поведение участников коммуникации, мы тем самым обращаемся к изучению роли человеческого фактора в языке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв.АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т.40. - №4. – С. 356-367.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки славянской культуры. – 1999. – 896с.
3. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Иностр. лит-ра, 1961. – 394с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447с.
6. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.
7. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. Лит и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 368-377.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216с.
9. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 151с.
10. Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: Монография. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.
11. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища школа, 1986. – 116с.
12. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – С. 602-616.
13. Хаймс Д.Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. – М., 1975. – Вып.7: Социолингвистика. – 1975. – С.42-95.
14. Чурилина Л.Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: 10.02.01 – русский язык. / Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Автореф. дис... докт. филол. наук. – СПб, 2003. – 39с.
15. Эрвин – Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. – М., 1975. – Вып. 7: Социолингвистика. – С. 336 – 362.
16. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 455с.
17. Morris Ch.W. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. – Chicago, 1938. – Vol. 1. № 2. – P. 1-59.
18. Strawson P.F. Identifying Reference and Truth Values // Semantics. - Cambridge, 1971. – P. 86-99.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олена Федотова – кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов Донецького юридичного інституту.
Наукові інтереси: семантика і прагматика речення і тексту, стилістика англійської мови, історія англійської мови.